AUXILIARY HISTORICAL DISCIPLINES

XXXI

ST.-PETERSBURG
2010

Л295 77

ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

XXXI

С.-ПЕТЕРБУРГ
2010

ZUSAMMENFASSUNG

Im Artikel geht es um das Auffinden und die Zuschreibung eines Tagebuches des bekannten Geographen N. M. Karataew (1875–1942). Seine Tätigkeit war mit der Leningrader Universität und der Akademie der Wissenschaften der UdSSR eng verbunden. Die Notizen führen uns in die Zeit vom März bis zum Dezember 1934 zurück. Sie geben uns eine Vorstellung von der inneren Welt des Forschers und charakterisieren seine engsten Mitarbeiter.

А. А. АЛСУФЬЕВ

ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1939 г.: ИТОГИ И ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ

Целью данной статьи является рассмотрение двух основных вопросов: какие итоги показала Всесоюзная перепись населения 1939 г., и насколько цифры, опубликованные в официальных источниках, соответствуют истинным результатам переписи. Как видим, эти два вопроса тесно взаимосвязаны и представляют большое значение для исследователя: ведь от того, насколько верны результаты переписи, будет зависеть, в какой степени эти результаты можно использовать в исследованиях.

Наибольший интерес представляет вопрос об общей численности населения Советского Союза. Именно этот показатель вызывает наибольшее недоверие. Поэтому в данной статье мы будем говорить по большей части именно об этом показателе.

Цифры общей численности населения расходятся в публикациях различных периодов. Так, в 1939 г. приводится цифра 170 467 186 человек,[1] а в 1956 г. — 170 557 093 человека.[2] Новейшие исследования доказывают, что данная цифра завышена, и предлагают различные варианты коррекции.

В данной статье нами поставлена задача рассмотреть имеющиеся точки зрения на эту проблему и попытаться сделать некое обобщение.

Известным фактом является то, что цифра общей численности населения была оглашена Сталиным еще до подведения окончательных итогов переписи — 10 марта 1939 г., когда он назвал ее в своем докладе на XVIII съезде ВКП(б),[3] а 25 марта было принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) за № 362 «О переписи населения 1939 года», где

[1] Правда. 1939. 2 июня; Известия. 1939. 2 июня; Культурное строительство СССР: Статистический сборник. М.; Л., 1940. С. 6.

[2] Некоторые итоги переписи населения 1939 г. // Вестник статистики. 1956. № 6. С. 89.

[3] *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 10 марта 1939 г. М., 1939. С. 32.

© А. А. Алсуфьев, 2010

фигурировала та же цифра — 170,126 млн.[4] После трагического опыта Всесоюзной переписи населения 1937 г. было очевидно, что расхождение итогов переписи с официально объявленными цифрами может привести к тяжелым последствиям для ее организаторов. Именно поэтому итоги переписи неоднократно пересматривались и содержат малообоснованные поправки.

Как же складывалась эта цифра? Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо в первую очередь обратиться к двум письмам, опубликованным с соответствующими комментариями в 1990 г. Оба эти письма адресованы И. В. Сталину и В. М. Молотову.

Первое из них опубликовано группой авторов (Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев) в № 8 журнала «Социологические исследования»,[5] а второе, более позднее, опубликовано А. Г. Волковым.[6] Первое письмо было написано начальником ЦУНХУ И. В. Саутиным, второе — Саутиным и председателем Госплана Н. А. Вознесенским.

В обоих письмах называется одинаковая численность населения СССР по переписи 1939 г. — 167 305 749 человек, куда вошли, о чем прямо говорится в обоих письмах, и результаты двух спецпереписей — НКВД (заключенные, охрана мест заключении, сотрудники НКВД) и НКО (военнослужащие РККА и РКВМФ). Эта цифра, судя по письмам, сложена из следующих показателей: население городских поселений, население сельских поселений, переписанные в особом порядке. Всего получилось 164 975 749 человек. К этой цифре была прибавлена оценка, сделанная ЦУНХУ для труднодоступных районов и Крайнего Севера, где перепись должна была пройти во второй половине 1939 г., — 2 330 000 человек. Помимо внесенных в переписные листы записано на контрольные бланки 4 452 311 человек.[7] В конечном же счете с контрольных бланков в переписные листы внесено дополнительно 1 142 000.[8] К получившейся таким образом цифре была добавлена поправка на недоучет населения в 1% (1684 тыс.). Все это в конечном счете и дало окончательную цифру в 170,126 млн человек,[9] объявленную Сталиным на XVIII съезде ВКП(б)[10] и попавшую в постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) за № 362 «О переписи населения 1939 года» от 25 марта 1939 г.[11]

---

[4] *Жиромская В. Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 года: История проведения, оценка достоверности // Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги. М., 1992. С. 8.

[5] *Поляков Ю. А., Жиромская В. Б., Киселев И. Н.* Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г. // Социологические исследования. 1990. № 8.

[6] *Волков А. Г.* Из истории переписи населения 1937 г. // Вестник статистики. 1990. № 8.

[7] Все цифры приводятся по: *Жиромская В. Б.* Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 годов // История СССР. 1990. №3. С. 50.

[8] *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993. С. 33.

[9] *Жиромская В. Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 года… С. 8.

[10] *Сталин И. В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии… С. 32.

[11] *Жиромская В. Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 года… С. 8.

Позднее, как мы заметили выше, эти данные были уточнены, и официальной стала цифра 170,5 млн человек.

Анализируя полноту учета населения и, соответственно, точность итогов переписи, А. И. Семенова писала в 1954 г.: «Высокая достоверность данных переписи населения 1939 г. — ее важнейшая отличительная особенность».[12] В подтверждение этого она приводит следующие факты: разработка программы переписи 1939 г. осуществлялась при широком участии научных и практических работников советской статистики; большое внимание было уделено изучению опыта предыдущих советских переписей населения и переписей в зарубежных странах; каждый, казалось бы на первый взгляд, несущественный вопрос осмысливался до мельчайших деталей, получал определенное, строго научное решение; большое значение имел одновременный учет постоянного и наличного населения, а разрыв между ним всего в 0,06% свидетельствовал, по мнению автора, о полном и точном учете населения. П. Г. Подьячих в своей книге «Всесоюзная перепись населения 1939 г.», вышедшей в 1953 г., поставил своей главной задачей показать, как, какими методами были обеспечены исключительная точность и полнота данных переписи.[13]

Для того чтобы разобраться, насколько оправдан данный итог численности населения, необходимо обратиться к исследованиям современных ученых, занимающихся этой проблемой.

В. Б. Жиромская выделяет условно 3 направления в изучении переписи 1939 г. с точки зрения достоверности ее материалов.[14] Первое — те ученые, которые считают, что материалы переписи сфальсифицированы настолько, что использование представленных в них данных представляется нецелесообразным (Ю. Б. Симченко и его заявление об этом, сделанное в телеинтервью передаче «До и после полуночи» 31 марта 1991 г. и в менее резкой форме повторенное в предисловии подготовленных под его руководством к изданию некоторых подготовительных материалов переписи 1939 г. в серии «Народы мира» (Институт этнографии РАН. М., 1991)). Второе — ученые, считающие фальсификацию материалов переписи незначительными и пользующиеся цифрами без каких-либо поправок (В. А. Исупов,[15] С. И. Брук в справочнике «Население мира»[16]). Третья же группа, к которой относятся сама В. Б. Жиромская и ряд авторов Института российской истории Академии наук, В. В. Цаплин, Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова, признавая

---

[12] *Семенова А. И.* Из опыта переписи населения 1939 г. // Вестник статистики. 1954. № 4. С. 79.

[13] *Подьячих П. Г.* Всесоюзная перепись населения 1939 г. М., 1953.

[14] См.: *Жиромская В. Б.* Численность населения России в 1939 г.: Поиск истины // Население России в 1920–1950-е гг.: Численность, потери, миграции. М., 1994. С. 29–30.

[15] *Исупов В. А.* Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению. Конец 30-х–начало 50-х гг. М., 1992.

[16] *Брук С. И.* Население мира: Этнодемографический справочник. М., 1986. С. 129, 133–134 и др.

факт фальсификации материалов переписи, полагают, что ими можно пользоваться при внесении соответствующих поправок.

Как же решают проблему достоверности материалов Всесоюзной переписи населения 1939 г. различные современные ученые? Крупные исследования по этому вопросу проводит группа сотрудников Института экономического прогнозирования Российской Академии наук Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова.

Немаловажной причиной, способствовавшей, по мнению данных авторов, фальсификации результатов переписи, было объявление Сталиным цифры 170 млн человек как официального цифры общей численности населения по переписи 1939 г. еще до подведения ее итогов. Помня опыт переписи 1937 г., советские статистики понимали, что несовпадения результатов переписи 1939 г. с заранее провозглашенной цифрой может привести к серьезным последствиям. Именно поэтому им пришлось «подтягивать» итог переписи к провозглашенной Сталиным цифре.

Анализируя архивные документы, данные авторы представляют общий результат переписи следующим образом:[17]

Таблица 1

1	Численность наличного населения, переписанного в обычном порядке (без спецпереписи)	159 136 694
2	Оценка по труднодоступным районам (данные переписи, частично расчетные)	2 330 000
2а	Оценка численности населения Крайнего Севера по данным оргплана	780 000
3	Численность населения, переписанного в особом порядке	5 842 667
	В том числе:	
3а	Переписано НКВД — сотрудники системы (контингент А)	365 839
3б	Переписано НКВД — заключенные, спецпоселенцы и др. (контингент Б и В)	3 107 738
3в	Переписано НКВД — гражданское население	268 857
3г	Переписано НКО (состав армии и флота)	2 100 233
4	Всего переписано по СССР (включая оценку по труднодоступным районам)	167 309 361

Как мы уже отмечали, к данному итогу было прибавлено 1142 тыс. человек,[18] т. е. ровно $^1/_4$ часть записанных на контрольные бланки, что составило 6,8 человек на каждую тысячу переписанных. Авторы сопоставляют это число с аналогичными показателями по переписям 1959 и 1970 гг. (3,8 и 1,4 человек соответственно) и приходят к выводу, что данная поправка

[17] *Андреев Е. М, Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза. 1922–1991. С. 31.

[18] Там же.

необоснованна. Как в 1959-м, так и в 1970 г. подвижность населения была гораздо большая, чем в 1939-м. Кроме того, работа с контрольными бланками должна была быть завершена к 31 марта, реально же она завершилась еще позднее, однако цифра 1142 тыс. человек как число внесенных в переписные листы с контрольных бланков названа уже 21 марта.

Учитывая спешку с обработкой контрольных бланков, долю лиц, не разысканных в переписных листах и внесенных в них с контрольных бланков, авторы признают завышенной. Ориентируясь на опыт переписи 1959 г., проводившейся по той же методике, что и перепись 1939 г., они признают обоснованным включение в переписные листы с контрольных бланков 3,8 человек на каждую тысячу населения (0,38%), что составляет 635 776 человек вместо 1142 тыс. по официальным данным. Таким образом, авторы определяют численность переписанного населения в 167 945 137 человек.[19]

Следующий вопрос, выяснению которого уделяют они внимание, это насколько оправдана поправка на недоучет населения, официальной статистикой принятая в размере 1%.

Перепись 1939 г. с точки зрения учета населения проводилась весьма тщательно. Все инструкции были направлены на то, чтобы не пропустить ни одного человека. Усилия организаторов могли привести скорее к повторному учету, чем к недоучету населения, что было вполне понятно после судьбы переписи 1937 г. Из этих соображений авторам представляется весьма преувеличенной поправка на недоучет населения в размере 1%. Сопоставляя итоги переписей 1937 и 1939 гг. и привлекая данные о числе родившихся и умерших за 1937 и 1938 гг. с соответствующей коррекцией, авторы принимают поправку на недоучет населения в переписи 1939 г. в размере 0,3%.[20]

Учитывая все вышесказанное, авторы принимают за действительный результат Всесоюзной переписи населения 1939 г. число 168 448 972 человека.[21] Таким образом, неоправданная приписка составила 2 108 121 человек, или 1,24% от общей численности населения по переписи 1939 г.

Также авторы приводят обратный подсчет — взяв за основу опубликованную в 1956 г. цифру численности населения по переписи 1939 г. (170 557 093 человека), они вычитают из нее однопроцентную поправку на недоучет населения (1689 тыс.) и число переписанных с контрольных бланков — 1140 тыс.[22] В результате получается цифра 167 728 409 человек как исходная численность населения по переписи до внесения поправок. Разность этого числа и числа переписанных по архивным данным остается необъяснимой.

Также крупные исследования начиная с 1980-х гг. проводятся в Институте истории СССР Академии наук СССР (с 1991 г. — Институт

---

[19] Там же. С. 32.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Эта цифра на 2 тыс. меньше указанной в записке, которая была написана до окончания разборки контрольных бланков: Там же. С. 33.

российской истории Российской Академии наук) группой исследователей. Это в первую очередь Ю. А. Поляков, В. Б. Жиромская, И. Н. Киселев. В сферу их интересов входят как перепись 1939 г., так и перепись 1937 г. По истории последней, в частности, ими написаны такие работы как «Полвека молчания: Всесоюзная перепись населения 1937 г.» (опубликована в третьем номере «Вопросов истории» за 1990 г.) и монография «Полвека под грифом секретно: Всесоюзная перепись населения 1937 г.» (М., 1996).

Особое место в этой группе авторов принадлежит Валентине Борисовне Жиромской, наибольшее внимание уделяющей именно переписи 1939 г.

В целом данные авторы соглашаются с вычисленной сотрудниками Института экономического прогнозирования (Е. М. Андреев, Л. Е. Дарский, Т. Л. Харькова) поправкой на недоучет населения в размере 0,2%, но считают необоснованной поправку в 0.38%, сделанную за счет проверки контрольных бланков. Эту цифру сотрудники Института экономического прогнозирования выводят, как уже отмечалось, из сопоставления переписи 1939 г. с переписью 1959 г., проводившейся по схожей программе. Однако перепись 1959 г. проводилась в гораздо более спокойной обстановке, когда не было погони за заданной сверху цифрой численности населения. Перепись 1939 г. была проведена на весьма высоком организационном уровне, и пропуск 1142 тыс. человек был маловероятен. К тому же и ситуация на местах была благоприятна для приписок.

Учитывая это, В. Б. Жиромская отрицает предлагаемую сотрудниками Института экономического прогнозирования поправку в 0,38% населения, переписанных с контрольных бланков. По ее мнению, поправка на недоучет населения в 0,2% покрывает число тех действительно пропущенных людей, которые правомерно были внесены в контрольные бланки.

Учитывая все вышесказанное, В. Б. Жиромская принимает общую численность населения по переписи 1939 г. равной примерно 167,8 млн человек, а неоправданную приписку — 2,9 млн. человек, или 1,7% населения.[23]

Кроме вышеназванных есть и ряд других авторов, занимающихся данной проблемой. Так, В. В. Цаплин (в конце 1980-х гг. — директор ЦГАНХ) в своей статье «Статистика жертв сталинизма в 30-е гг.»[24] анализирует динамику численности населения СССР за 1930-е гг. Цифру общей численности населения СССР — 162 млн человек[25] — он считает обоснованной, приводя расчет, показывающий, из каких показателей данная цифра складывалась. Также в статье он проводит анализ динамики численности населения, основываясь на материалах Центрального государственного архива народного хозяйства (ф. 1562, оп. 329,

---

[23] *Жиромская В. Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 8.

[24] *Цаплин В. В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е гг. // Вопросы истории. 1989. № 3. С. 175–181.

[25] Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Краткие итоги. М., 1991. С. 28.

д. 142, л. 4 сл.; д. 151, л. 148 сл.), и, считая прирост населения СССР за 1937 и 1938 гг. примерно одинаковым и равным около 3,4 млн человек (1,4–1,5 %), называет предполагаемую цифру общей численности населения СССР на начало 1939 г. в размере 168,8 млн человек. «Переучет в 1–2 млн. человек, по-видимому, возможен. Но, по всей вероятности, этот переучет сделан был преднамеренно»,[26] — пишет В. В. Цаплин.

Используя таблицу «Сравнение предварительных неполных итогов переписи населения 1939 г. с итогами переписей 1926 и 1937 года», он устанавливает численность население СССР на момент переписи 1939 г. в 167,5 млн человек, а разницу между данной и предполагавшейся цифрами объясняет незарегистрированной гибелью людей в местах заключения в 1937–1938 гг.

Также приведем здесь указания на работы других исследователей, занимавшихся данным вопросом. Так, по мнению С. Максудова, неоправданная приписка составила 2 млн человек,[27] В. А. Исупова — 1,5 млн,[28] М. Тольца — 2,4 млн.[29]

Подведем некоторые итоги. Как мы увидели, процент неоправданной приписки различные исследователи определяют в пределах от 0,9 до 1,4%, оправданной же — 0,2–0,4%. Наиболее фундаментальные исследования по этому вопросу принадлежат таким исследователям, как В. Б. Жиромская (также выступающая в соавторстве с группой других сотрудников Института российской истории РАН), и группе исследователей Института экономического прогнозирования Е. М. Андрееву, Л. Е. Дарскому, Т. Л. Харьковой. По мнению В. Б. Жиромской, истинная численность населения по Всесоюзной переписи населения 1939 г. составила 167,8 млн человек, неоправданная приписка же — 2,9 млн человек, или 1,7% населения,[30] а по мнению Е. М. Андреева, Л. Е. Дарского и Т. Л. Харьковой — 168,5 млн человек, неоправданная приписка — 2,1 млн, или 1,24%.[31] Исходя из этого, можно сделать вывод, что данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. вполне могут быть использованы для исследований.

SUMMARY

The article focuses on results of All-Union population census of 1939 which represents official data about population of the USSR in the late thirties. It considers the problem of census results reliability and raise an important question about to what extent modem researchers can use the census materials in their investigations.

---

[26] *Цаплин В. В.* Статистика жертв сталинизма в 30-е гг. С. 175–181.

[27] *Максудов С.* Перепись 1937 г. // Звенья. 1991. №7. С. 16.

[28] *Исупов В. А.* Городское население Сибири… С. 107.

[29] *Тольц М. С.* Недоступное измерение // В человеческом измерении. М., 1991. С. 67.

[30] *Жиромская В. Б.* Всесоюзная перепись населения 1939 года… С. 8.

[31] *Андреев Е. М, Дарский Л. Е., Харькова Т. Л.* Население Советского Союза. 1922–1991. С. 31.

AtV	— Ateneo Veneto
BMC	— Museo Civico Correr, Biblioteca (Venezia)
BNM	— Biblioteca Nazionale Marciana (Venezia)
BOS	— Fondazione Querini Stampalia, Biblioteca (Venezia)
Briquet	— *Briquet C. M.* Les filigranes… Genève, 1907. Vol. 1–4
DBI	— Dizionario biografico degli italiani
DMCV	— Deliberazioni del Maggior Consiglio di Venezia / A cura di R. Cessi. Bologna, 1931–1951
GG	— Archivio di Stato di Venezia // Guida generale degli archive di stato italiani. Roma, 1994. Vol. 4
IVSLA	— Instituto Veneto di scienze, lettere e arti
NAV	— Nuovo Archivio Veneto
PG	— *Migne J.-P.* Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca. Paris, 1850–1887
Piccard, I	— Die Kronen-Wasserzeichen. Findbuch I der Wasserzeichenkartei Piccard im Haupstaatsarchiv Stuttgart. Stuttgart, 1961
Piccard, II	— Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Findbuch II der Wasserzeichenkartei Piccard im Haupstaatsarchiv Stuttgart. Stuttgart, 1966. Teil 1–3
PL	— *Mighe J.-P.* Patrologiae Cursus Completus. Series Latina. Paris, 1878–1890
QM	— Quadermi medievali
SV	— Studi Veneziani

ГПИБ России

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 5

I

К 110-летию со дня рождения доктора исторических наук Елены Чеславовны Скржинской (1897–1981)

А. Н. Васильев. Из архива Е. Ч. Скржинской (О полемике двух византинистов по поводу комментирования публикуемых источников) 11

Н. Ф. Котляр. «Государев двор» на Руси XII–XIII вв. 20

А. В. Джанов, А. М. Фарбей. Дата строительства купольного здания Судакской крепости 38

М. М. Кром. Канцелярии и документы великих княжеств Литовского и Московского в XV–первой половине XVI в.: опыт сравнительного анализа 46

А. Б. Черняк. Graeci в Аквитании в начале V в. н. э. (Consent. De barb. et metapl. 17,1 Niederm. = GL V, 395,3–7 ed. Keil) 56

П. В. Шувалов, Р. Б. Рудницкий. К вопросу о ритмизированных фрагментах в тексте «Гетики» Иордана 62

О. В. Ауров. Вестготские короли-ариане после эпохи Иордана (характер, идеология и символика власти) 74

А. А. Касатов. Грамота английского короля Генриха II (1154–1189) в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН: текст и контекст 104

А. В. Чиркова. Послания папы Александра III (1159–1181) из архива Генуэзской республики в собрании Российской национальной библиотеки 131

В. И. Мажуга. Фрагменты конца XII–XIII в. с текстом Дигест и Институций в Архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН 159

Н. Б. Срединская. Эмфитевзис в Ферраре XII–XIV вв. 172

Л. Г. Климанов. Капитулярии (должностные наказы) венецианских городских магистратур: глав округов, блюстителей ночного порядка,

глав контрад (Венеция: Государственный архив и Музей Коррер; Санкт-Петербург: СПб Институт истории РАН) 183

С. О. Вялова. Памятники средневековой боснийской письменности XII–XV вв. в хранилищах Санкт-Петербурга 209

Т. Н. Таценко. Немецкая грамота XVI в. о назначении служащего из архива Санкт-Петербургского Института истории РАН. К истории институтов власти 250

II

А. В. Майоров. Рассказ В. Н. Татищева о посольстве римского папы к галицко-волынскому князю Роману Мстиславичу: Происхождение и атрибуция 267

М. В. Корогодина. Редакции кормчих книг (по материалам собраний Библиотеки Российской Академии наук) 282

А. В. Сиренов. Списки Латухинской Степенной книги 291

Н. В. Крапошина. К вопросу об источниках труда Н. К. Никольского «История Кирилло-Белозерского монастыря до второй четверти XVII в.» 309

В. Б. Перхавко. Купеческая терминология допетровской России . . . 316

Т. А. Базарова. Материалы походной канцелярии вице-канцлера П. П. Шафирова о деятельности русских дипломатов в Османской империи в 1713–1714 гг. 348

В. Г. Пуцко. Сельская церковная библиотека Перемышльского уезда на рубеже XVIII–XIX вв. 357

И. Н. Вибе. Судебные дела о смене веры как источник для изучения этноконфессиональной политики самодержавия в Западном крае (1830–1855) 375

Т. А. Павленко. Петиции учащихся православных семинарий как источник по истории протестного движения семинаристов в 1905–1907 гг. 387

И. В. Тункина. Г. В. Вернадский и его научные исследования 1915–1917 гг. по истории России XVIII в. 400

Р. Ш. Ганелин. Из личного дела В. Н. Кашина в Архиве Санкт-Петербургского государственного университета 410

Е. Ю. Басаргина. Речь С. Ф. Ольденбурга памяти О. А. Баклунда . . 414

И. В. Черказьянова. Заметки на полях: размышления о судьбе ученого в 1930-е гг. 422

А. А. Алсуфьев. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Итоги и проблема достоверности 429

В. Г. Вовина-Лебедева. Е. Ю. Перфецкий – исследователь летописания 436

В. Г. Ананьев. Письма К. Н. Сербиной А. И. Андрееву военного времени как исторический источник 456

III

Н. С. Андреева. Материалы о русской эмиграции первой волны в Архиве префектуры полиции Парижа: личные досье 479

С. А. Исаев. О различии между «официальными и «личными» документами в составе политической документации США начала XIX в. 489

IV

К 80-летию академика Николая Николаевича Покровского 501

V

Памяти О. Н. Кена 505

Памяти А. Н. Васильева 511

Список авторов статей XXXI т. «Вспомогательные исторические дисциплины». 515

Ключевые слова к статьям авторов XXXI т. «Вспомогательные исторические дисциплины». 516

Список сокращений 518